

Вообще-то говоря, Московскому театру миниатюр скоро стукнет все двадцать пять (открыт осенью 1959 года). А с виду он молодой. Подвижный, веселый, рискованный. Большой выдумщик в своем искусстве. За минувшие годы приходили и уходили актеры, режиссеры. Циркуляция крови не дает ему слишком ослепениться. Он готов дружить с залом, но не уклоняется от споров, предупреждает, ставит условия.

Представление исключительно для легкомысленных людей в трех парах и двух молотках», — предупреждает афиша одного спектакля. «Представление с опереткой, феерверком и народными гуляньями» (то есть не менее, доля, легковесное!) — честно извещает другая афиша. Оба спектакля ставил главный режиссер театра М. Левитин. Он сравнительно недавно сюда пришел и поднял дело так, что и стар и млад рады сойти на вечерок-другой за легкомысленных людей. Не всякий подраст, понятно, но охотников набирается на вечера в вечер довольно, так что мест иногда всем не хватает. Театр не может пожаловаться на равнодушные дождливого Ленинграда: дворцы культуры, где он играет, полны.

Причина? Она проста. Зрелища, с виду только несвоем, много говорят уму и сердцу. Они обращаются к нам, смотрящих, на языке многозначных образов, полагая свои задачи и намерения, и удивлять, и весело проучить. Стрелка впечатлений дрожит на лирикой шкале выразительности — от грустной лавины до эксцентрики и клоуады. Ключевой тут смысл — защита человеческого в людях от них самих, утверждение священного дара жизни на земле и так далее.

Театр чуткоко изобретательный, похожий только на себя. На представлениях много света, воздуха, набегает и тени.

Спектакль «Чехонте в Эрмитаже» — тот, который с опе-

реткой и феерверком, — остроумно задуман и смонтирован в содружестве с художником С. Барханным. Да, Чехонте еще не Чехов, он еще сыскательно подтрунивает над пошлым в жизни, без скорби и горечи. На сцене есть расположение молодого писателя-юмориста к обыкновенному человеку, угодившему в оборот, карнавала, заверченного в карусели праздной жизни. И вдруг он сброшен с тер-

что вот прошел эпизод двух актрис и сменялся дуэтом актеров, а вот трио: двое и один. Комбинированный стиль игры, структура ненужно выпирали. Говорят (да и в московских статьях писали), что вообще-то здесь играют превосходно. Не знаю. Очень может быть. Бывает же, что хорошей команде почему-то в этот раз не найти своей игры.

дом-Алейхем, Зошево, Жданецкий), смонтированный самим актером, при режиссуре Н. Парыловой, выгодно демонстрирует все эти качества. Можно пожалеть только, что там прямые контакты актера и зала то и дело обрывались из-за волевых режиссерских вторжений.

Вот актер молча обжегал быстрым аллюром огненную ягровую площадку и, крича, пробежал дальше — это нам

пришедшая с эстрады Л. Поляшук. У нее данные современной, скитатической актрисы, обаяние женственности и милос, предпринимчивое исполнительское озорство, до беспощадности к себе. Внешние данные Л. Поляшук (она чуть выше среднего роста) нет-нет да становятся поводом для эксцентрических мизансцен и группировок.

Да, именно в этом спектакле больше всего открылись ленин-

Центрального академического театра Советской Армии, уверенно и надежно вошел в ансамбль.

На высоте и музыкальная сторона дела — работа В. Дашкевича, Э. Мельникова, музыкантов И. Легина, С. Ляшенко, В. Будаваева, А. Почтаева, С. Пирожкова, И. Каткова, Е. Фатеева. Когда в конце оркестранты выходят на сцену, в плащах с поднятыми воротниками и бесстрастными лицами, они воспринимаются как необходимые персонажи спектакля. Не активизировать их участие в действии, готовая постановка? Не попробовать ли возродить добрую традицию утесовского театра?

Хороши и разные традиции нашей сцены воскресают в лучших работах Московского театра миниатюр. Его руководитель обнаруживает серьезное знакомство с классикой советской режиссуры и с экспериментальными режиссурами исканий. Несет он на сцену и много оригинального, своего. Недаром так полемична, а вместе с тем искренна и эмоциональна его книга «Чужой спектакль», выпущенная в этом году издательством «Искусство». И недаром она завершается страницами об экспериментальных режиссерах Игоря Терентьева, которые в 1920-х годах вызвали большие, жаркие споры. М. Левитин и сам, как видно, споров не сторонится, даже первый из них имеет. Потому в его спектаклях немало веселых подстрекательств к тому, чтобы возбудовать, нет — ошарашить зал. И зал увлечен лучшими находками московского театра, его режиссуры, его актеров. Все вместе оказалось в конце концов таким интересным...

Д. ЗОЛОТНИЦКИЙ,
доктор искусствоведения

ДОБРАЯ ЭКСЦЕНТРИКА

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СПЕКТАКЛЯХ МОСКОВСКОГО ТЕАТРА МИНИАТЮР

това колеса и больно ушибается об угловатую повседневность.

Сценическая среда подвижна, постоянно преобразуется: вот увеселительный сад с развлекательной публикой, а вот уже — репертуар этого сада, и то, что было публикой, обочивается персонажами, развлекательных зрелищ. Еще оборот колеса, и сцена незаметно становится опять другой: не сценой театра, а сценой жизни. А созерцатель забав, веселящиеся жуiri сами оказываются действующими лицами житейских происшествий, актер становится персонажем, персонаж актерствует напропалую. Комедия незначай выворачивается в мелодраму. У молодого Чехонте ловят предвестия зрелого Чехова.

Исполнитель в спектакле выделить трудно. Разве что Р. Карцева и Е. Герцакова, по афише — «рассказчиков», но исполняющих попутно с десятком других ролей. Возможно, представление в этот вечер не задалось: некоторые актеры были натужны и крикливы, замысел режиссера оголялся, и нервно бросалось в глаза,

А что «команда» впрямь отличная и с руководителем своим ладно сыгралась, убедил талантливый спектакль по мотивам произведений ленинградского писателя Даниила Хармса, жившего в 1930-х годах, — «Харчи! Чарм! Шарла! или Школа клоунов». Сюжет постановки М. Левитина и автор сценарного монтажа. Сценарий действия цельный, переливающий, многоликий. Странность нинх житейских ситуаций воображением режиссера-фантазера — в полном согласии с текстом — доведена подчас до логического абсурда, и опять логика эта образная, метафорична. Невероятный оборот дела лишь помогает отменить то, что правдивее, что истинно. Актеры захвачены игрой и раскрывают в исполнительском азарте лучшие стороны своих дарований.

У Р. Карцева в минуты комедийной атаки на зал отрывистый жест, стактанная фраза, а притом он актер добрый, мягкий, радующий, умеет держать зрителей в руках и беседовать с ними как с партнерами. Его, моноспектакль «Искренне ваш...» (Чехов, Шо-

выдали, надо понимать, полнота «сценического движения». Вот вспыхнула лампочка и, отразившись в фольге, ослепила зал; закружилась «цветастые висячие шары — залу отпущено два аршина световых воздействий. Режиссер забегает по-своему об актёр, боится, как бы тот не утонул в монотонном, повсе-таки сбить его с ног не может, и победа остается за Р. Карцевым.

В «Школе клоунов» этот актер в режиссер М. Левитин — во всем заодно. И Р. Карцев проявляет самоотверженное чувство ансамбля. В черном вечернем костюме, по клоуна-ского покрою, так что широкие штаны оканчиваются под коленками, он на свой лад развешивает вечно чаплинскую тему маленького человека, грусти в руках обстоятельств, по одной этой темой не ограничивается, а дает минуты острого перевоплощения — прохладным штрихом, безлой дельно, а то обращается к залу от собственного приветливого лица.

Счастливой находкой для театра стала недавно сюда

градкам возможности театра и его актеров. Неуклюжий юмор легкого человека, мимо которого проносятся все напасти, несет А. Пожаров, пластичный, ластящий, в плоской соломенной шляпе-каноте и очках похожий на воскресшего Гарольда Ллойда со старой комической ленты, но притом на редкость современно угадываемый типаж.

Во втором, «американском» акте «Школы клоунов» образ тупой полицейской словесности дает один из старожиллов этого театра А. Горизонтов, склоняющийся и спрыгающий тему туповатости, «непробиваемости», равнодушия и в других перевоплощениях спектакля, вплоть до самого Господа Бога, играющего в карты на пожарной бочке с райскими жителями.

Открытый, обаятельный актер Ю. Чернов с добродушным темпераментом играет на гармошке, откалывает «коленца», улыбается залу, откидывая со лба прядь белых волос. «Рубашечный герой», «простака», веселый поверенный зала...

Остро характерный, весь в профиль, Е. Герцаков, актер